

Тина Амор

Узел пустыни

18+

Тина Амор

Узел пустыни

«Автор»

2026

Амор Т.

Узел пустыни / Т. Амор — «Автор», 2026

Пустыня помнит всё. Особенно тех, кто пытается её обмануть. Сафия родилась среди костей дракона, в городе Плетущих, где магия завязывает и разрывает судьбы. Узел Пустыни — единственное, что она не умеет завязывать сама. И единственное, чего хочет по-настоящему. Джафар — вождь Ас-Сейиф, народа, заключившего договор с живым песком. Его народ носит клейма Плетущих на щеках. Ему нужен древний свиток, чтобы провести ритуал. Без свитка пески сожрут Ар-Раву. С ним — Ас-Сейиф могут усмирить пустыню. Ему не нужна Плетущая, вставшая на пути. Но когда их кровь смешивается в тёмном переулке, Узел Пустыни завязывается сам — против воли обоих. И чтобы разорвать связь, они должны добраться до святилища Ас-Сейиф, где Сафию ждёт не свобода, а жертвенный алтарь. У каждого из них свой план. Пустыня смеётся над обоими.

© Амор Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тина Амор

Узел пустыни

Пролог

Караван двигался медленно. Верблюды раскачивались в такт невидимому ритму, песок шуршал под их широкими ступнями, и солнце стояло в зените, плавая воздух над барханами. Мне было четырнадцать, и я сидела в седле, сжимая поводья побелевшими пальцами, и смотрела на восток, где за горизонтом остался Ша'Арадд.

Отец отправил меня с дипломатической миссией. Не как наследницу — к тому моменту Лейла уже была любимицей, её дар голоса восхищал советников, а мои волосы называли «грубой силой». Просто как гонца. Как ту, кем можно рискнуть. Я знала это. И всё равно ехала, потому что надеялась: если хорошо выполню задание, отец посмотрит на меня с гордостью. Хоть раз.

Нападение произошло, когда мы проходили через ущелье. Всё смешалось в один миг — крики, звон клинков, предсмертные хрипы. Мой верблюд упал, и я покатила по песку, ударила головой о камень, потеряла сознание. Очнулась в темноте. Руки были связаны за спиной, верёвка впивалась в запястья, натирала кожу до крови. В углу чадила масляная лампа, и её свет плясал на грязных стенах шатра, выхватывая из темноты лица.

Я не знала, где я. Не знала, сколько прошло времени. Не знала, ищут ли меня.

Ножницы щёлкнули у самого уха. Холодное железо коснулось кожи, и я замерла, чувствуя, как волосы падают на земляной пол. Один вздох — и они исчезают. Моя сила. Моя гордость. Моё единственное оружие.

— Растут быстро, — сказал кто-то рядом весёлым, с хрипотцой голосом. — Завтра снова будет чем заняться.

— Прекрасно, — согласился другой. Этот голос я узнала бы из тысячи. Низкий, спокойный. Он снился мне каждую ночь потом много лет.

Я не плакала. Я уже научилась не плакать. Пальцы сжали мой подбородок, повернули лицо к свету.

— Смотри на меня, — проговорил второй. Жёлтые глаза смотрели в мои, и в них не было ничего, кроме пустоты. — Смотри и запоминай. Я — теперь твой бог.

Я смотрела. И запоминала.

Потом они ушли. Я осталась одна — голая, с короткими волосами, с кровью на губах. Через дыру в крыше шатра я видела звёзды. Они смотрели на меня, холодные и равнодушные, и я шептала их имена, чтобы не забыть, кто я. Потому что если забыть — они победят.

Глава 1

Город назывался Шаммара. Место, где магия была товаром, а Плетущих терпели только за деньги. Бездарные торгаши и ремесленники не умели завязывать узлы, не чувствовали нитей судьбы. Но они знали цену хорошей услуги. А я умела оказывать услуги так, что клиенты возвращались.

Шаммара стояла на перекрёстке торговых путей, и её стены из белого камня видели больше караванов, чем любой город в пустыне. Здесь не было Цитадели Плетущих, не было башен-игл, уходящих в небо. Вместо этого песок, ветер и люди, которые хотели жить. Они строили дома из глины и камня, торговали шёлком и специями, женились и рожали детей. Обычные люди. Без магии. Без дара.

Я любила Шаммару за её честность. Здесь никто не притворялся лучше, чем был. Купцы обманывали открыто, женщины носили цветастые платки, а дети бегали по улицам босиком, и их смех звенел на базарной площади с утра до вечера.

Утро началось как обычно — с чужих рук на моём теле и запаха пота, смешанного с дешёвыми благовониями. Мужчина рядом со мной спал, раскинувшись на простынях. Светлые волосы разметались по подушке, губы приоткрыты, на щеке след от подушки — красная полоса, которая исчезнет через минуту после пробуждения. Красивый, молодой и недалекий. Его звали Карим. Сын местного торговца тканями, который нанял меня завязать узел удачи для отцовского каравана. Плату взяла деньгами, а в придачу — ночь. И ещё одну.

Я провела пальцами по его плечу. Он зашевелился, но не проснулся. Хороший любовник. Нежный. Внимательный. Но для Узла не подошёл. Жаль.

Узел Пустыни — древняя клятва в верности, которую нельзя разорвать. Не просто связь двух тел, а слияние двух душ. Те, кто завязывал Узел, становились единым целым — чувствовали друг друга на расстоянии, их магия росла, когда они были рядом, а разлука причиняла боль. В старину Плетущие искали своих узловых годами, отказывались от других связей, ждали. Это считалось высшим даром богов.

Я искала свой Узел в каждом мужчине, который оказывался в моей постели. В Кариме — нет. В десятке других — нет. Я почти перестала надеяться. Но продолжала искать, потому что внутри, глубоко под слоями шёлка и стали, жила девочка, которой мать когда-то сказала: *«Ты найдёшь свой Узел, дочка. Он будет не таким, как у других, но ты не бойся».*

Я устала ждать.

Я встала, и волосы — длинные, тяжёлые, живые — упали на спину тёмной волной до самых колен. Провела по ним рукой, пальцы утонули в прядях, и они шевельнулись в ответ — здоровались. Волосы всегда были моей гордостью и моим оружием. У обычных Плетущих магия жила в нитях, в узлах, в танце пальцев, сплетающих судьбы. У меня — в волосах. Они слушались меня почти всегда. *Почти.*

Наш народ родился из костей дракона, на котором построен Ша'Арадд. Тысячу лет назад первые Плетущие нашли останки древнего существа и обнаружили, что могут видеть нити судьбы, завязывать узлы, переплетать жизни. С тех пор мы живём в городах, построенных на костях, правим бездарными, плетём интриги и торгуем услугами. Каждый Плетущий видит мир как ковёр. Тысячи нитей — красные, золотые, чёрные — переплетаются, расходятся, рвутся. Каждая нить — чья-то жизнь. Каждый узел — событие. Плетущий может завязать узел покрепче — и брак станет нерасторжимым. Может ослабить — и вражда утихнет. Может разорвать — и человек умрёт.

Но за всё нужно платить.

Мы платим памятью. Чем сильнее узел, тем больше воспоминаний исчезает, растворяется в песке, как вода в пустыне. Старые Плетущие не помнят вкуса детства, не помнят лиц

тех, кого любили. У них остаются только узлы. Я не хотела такой судьбы. Я не любила плести узлы — я предпочитала косы. Смертоносные. Но дар оставался при мне. Я видела нити, чувствовала узлы, могла завязать и развязать, если нужно. И это приносило деньги.

В комнате было душно. Запах прогорклого масла из лампы смешивался с сырой штукатуркой стен. Окно выходило на базарную площадь, и оттуда доносился шум раннего утра — торговцы открывали лавки, ослы орали, дети бегали и визжали. Я подошла к зеркалу — треснутому, мутному, в кракелюрах, но всё ещё отражающему. Из него смотрела девушка с тёмными большими глазами, острыми скулами и шрамом на левой щеке — тонкая белая линия от скулы до подбородка. Подарок от собственной косы, когда я ещё не умела с ней обращаться.

Но этот шрам был не самым страшным. Самые страшные шрамы остались там, где их никто не видел.

Я отвела волосы со лба, заправила пряди за уши. На левом запястье тускло блеснул браслет — тонкая кость дракона, оплетённая серебром. Я носила его с рождения, никогда не снимая. Мать сказала, что он хранит женщин нашего рода. Я не знала, верит ли мать в это сама. Да и не то, чтобы верила я, но хоть во что-то верить нужно.

Одевалась быстро, привычно. Короткий льняной топ, оставляющий живот и плечи открытыми — практически прозрачная ткань на свету, но плотная, чтобы не рваться в бою. Широкие шаровары, разрезанные по бокам почти до бедра, чтобы не сковывать движения. Тонкие браслеты из полированного металла застегнула на запястьях поверх драконьей кости — холодный серебристый звон, когда они коснулись друг друга. Пояс с метательными ножами затянула на талии поверх ткани. Ножи были старыми, потёртыми, но острыми — я точила их каждый день. Посмотрела на себя в зеркало. Из него смотрела Плетущая. Без лишних слоёв, без украшений, без узлов, которые носили мои сородичи в Ша'Арадде. Те кутались в шёлк и парчу, пряча силу за тяжестью одежд, носили свои нити как драгоценности — цепочки на шее, браслеты из сплетённых волос, кольца, которые затягивались при малейшем движении.

Карим заворочался, открыл глаза и улыбнулся.

— Уходишь? — сонно спросил он, потягиваясь.

— Дела, — бросила я.

— Увидимся сегодня?

— Если будет время.

Он не спорил. Прекрасно.

Я взяла с комода кожаный мешочек с монетами — плату за вчерашний узел — и вышла. Дверь захлопнулась за мной с глухим стуком.

Улицы Шаммары просыпались. Торговцы вытаскивали товары из лавок — пёстрые ткани, глиняные кувшины с маслом, связки сушёных трав, амулеты из костей верблюдов. Пахло жасмином, верблюдами, жареным тестом и семью сладостей — мёдом и халвой. Женщины в разноцветных платках перекрикивались через улицу, дети бегали между ног прохожих, старик в рваном халате сидел у стены и грыз лепёшку беззубым ртом. Шаммара жила своей жизнью. Ей не было дела до Плетущих, до узлов, до драконьих костей. И мне это нравилось.

Заказчик ждал меня в его доме — огромном особняке из белого камня, с колоннами и фонтаном во внутреннем дворе. Старый купец по имени Азиз с толстыми пальцами, масляными глазками, которые всегда бегали слишком быстро. Он носил только шёлк, но в каждом движении чувствовался человек, который начинал с нуля и знал цену каждой монете.

Азиз встретил меня в гостиной, жестом пригласил сесть на расшитые подушки у низкого столика. На нем стояли чашки с травяным отваром и блюдо с сушёными фруктами — финики, инжир, курага. Я не притронулась. Есть у чужих нельзя — первое правило пустыни.

— Говорят, ты находишь то, что потеряно, — начал он без предисловий, перекатывая между пальцев золотую монету. Её звон был тонким, музыкальным.

— Нахожу, — ответила я, рассматривая его лицо. Морщины вокруг глаз, седина в бороде и золотистый загар как у всех нас.

— У меня украли свиток с заклинанием, которое умирят песок. — Он понизил голос, хотя в комнате никого не было. — Без него мой караван не пройдёт через пустыню. Пути засыпает, Сафия. Пески движутся.

Пустыня наступала на города уже несколько лет. Пески двигались быстрее, чем раньше, поглощали торговые пути, засыпали окраины. Караваны пропадали, люди умирали, города беднели. Свиток, умиряющий песок, стоил целого состояния.

— Покажи, где он хранился.

Азиз поднялся и провёл меня в сокровищницу — маленькую комнату без окон, с железной дверью и кучей замков. Ключи он носил на поясе, каждый на отдельной цепочке. Я слышала, как они звенят при каждом его шаге.

В центре сокровищницы стояла шкатулка из чёрного дерева, окованная серебром, с причудливым узором из песочных часов. Крышка была открыта. Внутри — пустота на чёрном бархате.

— Вор действовал скрытно, — печально проговорил купец. — Замки не взломаны, стража ничего не слышала.

Я наклонилась к шкатулке, провела пальцами по краю. Дерево было гладким, холодным, пахло воском. Я присмотрелась к нитям. Ничего. Нити вора не осталось — слишком искусно работал. Но на внутренней стенке, на бархате, я заметила маленький ворс. Тонкий, почти невидимый. *От свитка.* Я сняла его кончиками пальцев, поднесла к лицу. Клочок древней бумаги, пахнущий временем, сухими травами и магией.

— Свиток очень старый, — пробормотала я, вкушая энергию. — Он пропитан магией. Его нить такая же яркая, как факел в ночи.

— Ты можешь его найти? — голос Азиза выдавал волнение.

— Могу.

Я сосредоточилась на клочке бумаги в пальцах. Увидела его нить — золотую, толстую, пульсирующую живым светом. И потянулась за ней. Нить отозвалась сразу. Она вела в этот же дом.

— Свиток всё ещё в твоём доме.

Азиз побледнел так, что его лицо стало цвета старой кости.

— Боги, — прошептал он. — Сегодня праздник. В моём доме будет сотня гостей! Купцы, вельможи, даже пустынные маги!

Я насторожилась.

— Пустынные маги? Ас-Сейиф?

— Да. Их вождь, Джафар, будет здесь. Он... — Азиз запнулся. — У нас сделка. Я продаю ему право прохода через мои земли.

Кивнула, не показывая интереса, но внутри ёкнуло. Ас-Сейиф. Договор с живым песком. Кочевники, которые умеют рассыпаться в песок и собираться заново. Враги моего отца. *Враги моего народа.*

Я слышала о Джафаре. Кто не слышал? Его имя шептали на базарах, в караван-сараях, в домах бездарных купцов. Он был рабом Плетущих в детстве — носил клеймо на щеке, работал в каменоломнях. Джафар сбежал дважды, и второй раз — навсегда. Вернулся в пустыню, собрал вокруг себя изгоев и беглецов, убил предыдущего вождя в песчаном поединке и занял его место.

Он ненавидел Плетущих. И имел на это право.

Я давно не была дома. Я не знала, кто теперь враги, а кто друзья, но встречу с этим человеком я хотела бы избежать.

— Сегодня найду свиток, — твердо проговорила я, пряча клочок бумаги в маленький мешочек на поясе. — Готовь плату.

Азиз кивнул. Провёл меня обратно в гостиную, отсчитал половину платы вперёд. Золотые, тяжелые кругляши с чеканкой Шаммары монеты пахли металлом и потом — десятки рук держали их до меня.

— Если врешь — пришлю к тебе своих людей, — бросил Азиз мне в спину.

— Не придётся, — фыркнула я и шагнула во двор.

Солнце стояло высоко, поднималось к зениту. Праздник начинался через несколько часов. У меня было время подготовиться. Я вышла на улицу и смешалась с толпой, чтобы подумать. Свиток всё ещё в доме. Вор среди гостей. И среди них — Джафар, вождь Ас-Сейиф. Такое себе счастье. Я провела рукой по волосам. Они шевельнулись.

— Спокойно, — прошептала я. — Всё будет хорошо.

И пошла готовиться к празднику.

Глава 2

Площадь перед домом Азиза утопала в огнях. Сотни масляных ламп висели на верёвках, протянутых между колоннами и деревьями, и их свет дрожал, переливался, плясал на лицах толпы. Жёлтые, оранжевые, красные — они смешивались в единое сияющее марево, от которого слезились глаза. Воздух пах горелым маслом, жасмином и жареным мясом, которое шипело на вертелах в ряду шатров, расставленных вдоль стен. Внутренний двор особняка был заставлен низкими столами, расшитые шёлковые подушки лежали прямо на каменных плитах, нагретых за день, и гости сидели группами — мужчины в тёмных кафтанах, женщины в ярких платьях с открытыми плечами и руками, унизанными браслетами. Их лица блестели от улыбок, зубы сверкали в свете ламп, и смех то и дело вспыхивал то в одном углу двора, то в другом.

Слуги сновали между столами с кувшинами вина и подносами фруктов, их белые одежды мелькали среди тёмных кафтанов, подобно теням, которые не могут найти покоя.

Я стояла в тени колонны у входа и смотрела. Гостей было много. Очень много. Сотни людей теснились во дворе, сидели за столами, стояли у фонтана, толпились у шатров с едой. Женщины перешёптывались, прикрывая рты веерами. Мужчины громко спорили о ценах на шёлк и о том, кто кого обманул в прошлом караване. Я смотрела на них, но видела другое. Тысячи нитей судьбы сплетались перед моими глазами в пёстрый клубок. Красные — кровные узы, связывающие родителей и детей. Золотые — узлы любви, тонкие и толстые, одни яркие, пульсирующие живым огнём, другие тусклые, почти угасшие, готовые разорваться. Чёрные — проклятия и обиды, которые люди носили в себе и не могли забыть. Серые — безразличие, равнодушие, пустота.

Я искала среди нитей одну — золотую, пульсирующую, горячую, как сердцебиение пойманной птицы — нить свитка. Но в этом хаосе огней и тел разглядеть её было невозможно. Слишком много людей и судеб.

Нужно было подняться выше. Я обвела взглядом двор и заметила платан в центре — огромное дерево с раскидистой кроной, его ветви тянулись к небу, усеянные зелёными лампами, которые мерцали в листве, как пойманные светлячки. Ствол был толстым, старым, кора потрескалась от времени и жары. На нижних ветках сидели танцовщицы — девушки в прозрачных нарядах, с монетками на бёдрах и вуалями на лицах. Их ноги свешивались вниз, раскачивались в такт музыке, и пёстрые юбки колыхались, как крылья бабочек. Я смотрела на них, и в голове созрел план.

Я отошла в пустой переулок. Он находился за домом, где кончались огни и начиналась темнота — узкий проход между высокими глинобитными строениями, чьи стены были покрыты трещинами. Пахло сыростью и мочой, и где-то в глубине, за кучей мусора, кто-то возился — надеюсь, что не крыса, их я терпеть не могу. Тишина стояла такая, что я слышала биение собственного сердца.

Сняла пояс с ножами — железо тихо звякнуло о стену, когда я положила его под камень. Проверила, что сверху его не видно: присыпала песком, придвинула горшок с засохшим растением. Метнулась взглядом туда-обратно, убедилась, что никто не смотрит, и расстегнула пряжку на шароварах. Золотые монетки — выменяла у Карима за вчерашнюю ночь — лежали в кожаном мешочке, который я спрятала в кармашке на поясе. Я привязала их на тонкие цепочки к поясу шаровар. Тряхнула бёдрами — монетки зазвенели, заискрились в свете, падающем из двора, и я улыбнулась. Хорошо.

Теперь волосы. Моё главное оружие. И моя единственную слабость. Любой, кто видел бы их, понял бы, что я Плетущая. А Плетущим в этом городе не доверяли в большинстве своем. Особенно сегодня, когда в доме Азиза собрались лучшие люди Шаммары — купцы, советники, наместник.

Сегодня я не могла быть собой. Сегодня я должна была быть кем-то другим.

Я распустила свободные косы, провела руками от корней до кончиков. Волосы шевельнулись в ответ, обвили пальцы, потянулись к плечам: «*Что ты задумала?*» — «*Терпите*», — мысленно ответила я.

Пальцы задвигались быстро, привычно. Я начала плести. Высокий хвост на макушке, стянутый кожаным шнурком. После сложный узел из трёх прядей, который я видела у танцовщиц. Волосы ложились, переплетались, прятались. Я укладывала их в замысловатую причёску на затылке — башню из узлов и кос, скреплённую шпильками и лентами. Шпильки впивались в кожу, царапали. Я смотрела в маленькое зеркальце, которое держала в левой руке и следила, чтобы ни одна прядь не выбилась. Когда пучок был готов, я накинула сверху прозрачную вуаль — шёлк, расшитый серебряными нитями, почти невесомый. Закрепила её брошью над самым лбом. Вуаль падала на плечи, скрывая замысловатую причёску, и я казалась обычной танцовщицей — одной из многих. Красивая. Опасная. Неузнаваемая. Я поправила вуаль и вышла из переулка.

Музыка гремела со всех сторон. Бубны и струнные, свист флейт и хлопки в ладоши — всё это смешивалось в единую, дурманящую мелодию, которая заставляла тело двигаться сама собой. Я прошла сквозь толпу, лавируя между гостями, чувствуя на себе взгляды мужчин — жадные, оценивающие, пьяные. Ничего нового. Я привыкла.

Платан ждал меня. Я вскарабкалась по стволу, цепляясь за кору, которая шершавила ладони, и нашла ветку повыше. Отсюда был виден весь двор, но меня не сразу заметят — тень листы скрывала моё лицо, а вуаль сливалась с темнотой. Я устроилась на ветке, свесив ноги, и прислонилась спиной к стволу. Кора впивалась в спину через тонкую ткань топа. Единственный минус такой вещицы.

Внизу, прямо под деревом, сидели музыканты. Один бил в бубен — кожа натянута, глухие удары, от которых воздух вибрировал в груди и отдавался в костях. Второй играл на уде — струны пели низко, гортанно, их звук был похож на голос песчаной бури, которая приближается издалека, ещё не видимая, но уже ощутимая. Третья, женщина с чёрными глазами, пела. Её голос поднимался и опускался, обволакивал, заставлял забывать, кто ты и зачем здесь.

Несколько танцовщиц кружились под деревом. Их бёдра ходили волной, руки изгибались над головами, пальцы щёлкали в такт бубну. Монетки на их поясах звенели, и этот звон смешивался с хлопками и свистом гостей. Они были красивы — смуглые, гибкие. Настоящие танцовщицы. Профессионалки. Я смотрела на них и запоминала движения.

Я окинула двор взглядом. Слева от входа — стол для самых почётных гостей. Накрытый белой скатертью, с золотыми приборами и хрустальными бокалами, переливающихся в свете ламп. Дорогие вина, фрукты, сладости. Рядом — наместник Шаммары, старик с вечно недовольным лицом в парчовом халате, расшитом золотом и жемчугом. Его пальцы лежали на столе неподвижно, словно он боялся их испачкать. Женщины в шёлке — жёны купцов, дочери советников. Их лица были накрашены, волосы уложены в причёски, и они рассматривали друг друга, оценивая. Купцы — толстые и тощие, молодые и старые, в дорогих кафтанах и сапогах из мягкой кожи. Они говорили о делах.

Гости всё прибывали. Из ворот выходили слуги с кувшинами вина, новые группы людей проходили внутрь, рассаживались за столы. Шум становился громче. Музыканты играли громче. Я следила за каждым, кто входил. За каждым, кто выходил. За каждым, кто смеялся слишком громко или слишком тихо. Где-то через час, когда я уже начала сомневаться, что свиток вообще здесь, случилось то, чего я не ожидала.

Толпа раздалась. Люди расступились сами, словно почувствовали что-то. Воздух стал тяжелее, а музыка притихла сама собой. *Они* вошли с северной стороны двора — оттуда, где была главная калитка. Пятеро мужчин в тёмных одеждах, с лицами, скрытыми чёрными повязками от переносицы до подбородка. На виду были только глаза — холодные, цепкие, изучаю-

щие. Они шли медленно, и под их сапогами не скрипел песок, принесённый на подошвах из пустыни. Только тишина. Глубокая. Давящая. Похожая на ту, что наступает перед песчаной бурей.

Ас-Сейиф. Пустынные маги.

Они заключил договор с живым песком тысячу лет назад, когда наш народ только начинал плести первые узлы на драконьих костях. Пустынные не строят городов, не завязывают узлов, не клянутся в верности правителям. Их сила — в текучести, в распаде, в умении рассыпаться в песок и собраться заново там, где тебя никто не ждёт. Плетущие презируют их за отсутствие формы. Ас-Сейиф платят нам тем же — за то, что мы пытаемся связать то, что должно быть свободным.

Я смотрела на них, и внутри у меня всё сжалось от напряжения. Они были здесь. В Шамаре. Среди бездарных. Зачем они тут на самом деле?

Впереди шёл тот, кто явно был главным. Высокий — выше всех в этом дворе, выше даже наместника, который сидел на почётном месте. Широкие плечи, прямая спина, голова чуть наклонена вперёд, словно он прислушивался к чему-то, что другие не могли слышать. Мягкие сапоги ступали по каменным плитам беззвучно, и я не могла понять, действительно ли они касаются земли. Повязка также закрывала нижнюю половину его лица. Он сел на почётное место, рядом с наместником. Его люди остались стоять за его спиной — молчаливые тени, готовые к приказу. Наместник что-то сказал ему, но он не ответил. Просто смотрел перед собой. Гости вокруг него умолкли, перешёптывались, бросали быстрые взгляды.

Я смотрела на него, и не могла понять, что именно в нём привлекло моё внимание. Может, повязка. Может, аура опасности, которая исходила от него, как жар от раскалённого песка. Может, его глаза. Я ждала, когда он посмотрит в мою сторону, чтобы разглядеть их цвет. Но он, к сожалению, не смотрел.

Музыканты заиграли снова. Танцовщицы под деревом задвигались быстрее, и я решила, что пора. Спрыгнула с ветки, приземлившись на мягкие подушки, расстеленные вокруг ствола. Встала, поправила вуаль, тряхнула бёдрами — монетки зазвенели, привлекая внимание.

Передняя танцовщица — рыжеволосая, с золотыми монетками на бёдрах и змеиной грацией — заметила меня, удивлённо подняла бровь, но жестом пригласила в круг. Я шагнула. Музыка обрушилась на меня, как песчаная буря. Бубны и струнные, флейты и хлопки — всё это смешивалось в единый ритм, который пульсировало в моей крови. Я начала двигаться — сначала медленно, раскачиваясь из стороны в сторону, потом быстрее, подхватывая темп. Бёдра ходили волной, руки изгибались над головой, пальцы щёлкали в такт бубну. Монетки звенели, вуаль развевалась. Я чувствовала на себе взгляды мужчин и искала среди них его глаза. И нашла.

Джафар смотрел на меня.

Зелёные глаза горели, прожигая насквозь. *Они светились.* Словно кто-то раздувал их изнутри, и пламя пульсировало в такт музыке, переливалось от изумрудного до почти чёрного, когда он шурился. В них не было жестокости, которую я ожидала увидеть, лишь холодное, тяжёлое любопытство. Как-будто он знал обо мне больше, чем я сама.

Я замерла. Забыла, зачем пришла. Забыла, кто я. Я смотрела в его глаза и не могла отвести взгляд. Внутри, где пульсировало сердце, что-то дёрнулось, словно *узнало*. Танцовщицы кружились. Гости хлопали. А я стояла, вцепившись в складки юбки, и смотрела в зелёное пламя.

Встряхнула головой, отгоняя морок его взгляда. Передняя танцовщица что-то крикнула мне на ухо — слов не разобрать, но тон предупреждающий. Я кивнула и сделала шаг назад, отступила в тень дерева.

И в этот момент увидела нить свитка прямо под ногами. Вернее, прямо за моей спиной, у самого дерева. Я обернулась и увидела мужчину в сером плаще. Капюшон надвинут на лицо, но я видела кончик подбородка — гладкий, молодой.

Он медленно подошел и рядом с Джафаром. Слишком близко для чужого. Настоящие гости держались на расстоянии — Ас-Сейиф не пускали никого ближе, чем на три шага. А этот встал за спиной вождя. И я видела, как что-то вор что-то шепчет Джафару, указывая на маленький свёрток, перевязанный шнуром. Моё сердце забилося быстрее. Я перевела взгляд на нить свитка. *Значит, свиток был в свёртке.*

Вор кивнул Джафару, повернулся и пошёл прочь — быстрыми, скользящими шагами, которые почти не издавали звука.

Во рту пересохло. Мне нужен был свиток. Я обещала Азизу вернуть его. Если я не принесу свиток, он отправит своих людей. А какой бы сильной я не была, толпой меня вполне можно было забить.

Я сделала шаг в сторону вора. Потом другой. Музыка гремела, танцовщицы кружились, гости хлопали. Никто не смотрел на меня — все смотрели на рыжеволосую девушку, которая вращалась в центре круга, и её юбка распускалась огненным цветком. Выскользнула из круга, нырнула в толпу. Вор шёл к выходу. Я кралась за ним, между нами были люди, столы, тени колонн, за которыми я пряталась, когда он оглядывался. Он оглядывался часто — я заметила. Опытный.

Он свернул в тёмный переулок — тот самый, где я переодевалась. Я шагнула за ним, прижимаясь к стене, и на секунду потеряла его из виду. Тишина. Темнота. Пахло сыростью и мочой. Я сделала шаг вперёд и наткнулась на каменную стену.

Нет.

На мужскую грудь.

Я подняла голову. Зелёные глаза смотрели на меня сверху вниз. Руки были скрещены на груди — расслабленно, но я чувствовала, что в любой момент они могут сжаться на моём горле.

— Ты следила за моим человеком, — заговорил Джафар низким голосом с хрипотцой, похожей на шорох песка.

Я сделала шаг назад, спиной упёрлась в стену переулка.

— Я пришла отдохнуть от танцев, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Ты. Следила. За моим человеком, — повторил он, и в его тоне не было сомнения.

Вождь сделал шаг ко мне. Я почувствовала жар его тела даже на расстоянии. Запах дыма и пустыни — сухой, пряный, тяжёлый.

— Не подходите, — сказала я, пытаюсь обойти его.

Джафар перехватил меня за руку. Сильные пальцы сжимали до хруста. Браслеты на запястье звякнули, ударившись друг о друга.

— Я не люблю повторять, однако для тебя повторил уже два раза. Зачем ты следуешь за ним?

— Свиток, — выдохнула я, дёрнувшись и пытаюсь вырваться. — Мне нужен свиток, который ты забрал.

— Он не твой.

— И не твой.

Джафар наклонил голову. В его глазах мелькнуло то ли удивление, то ли любопытство.

— А чей же?

— Моего заказчика.

— Твой заказчик — вор.

— А твой вор — не вор? — я рванулась, пытаюсь высвободить руку. Бесполезно. — Ты заплатил ему, чтобы он украл свиток из дома Азиза.

В ответ — тишина. Джафар смотрел долго и тяжело. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Потом улыбнулась — кокетливо, притворно, той улыбкой, которая заставляла мужчин забывать о деле и думать о другом.

— Вождь, — прошептала я, шагнув ближе и заглядывая ему в глаза. — Мы же оба знаем, что свиток тебе нужен не больше, чем мне. Просто продай его мне. Я заплачу. Хорошо заплачу.

— Деньги мне не нужны.

— А что нужно?

Снова молчание. Вот же истукан! И смотрел взглядом, который говорил яснее слов: не поддамся. Ни на что. Ни на кокетство, ни на улыбку, ни на мой коронный голос — безотказное оружие, давшее осечку впервые.

— Отпусти! — крикнула я, теряя терпение.

— Нет.

Вор уходил. Я чувствовала нить свитка, которая становилась тоньше, удалялась, исчезала в темноте переулка.

— Пусти сейчас же! — выплюнула я, и в моём голосе прорезалась ярость, лишая его всякого кокетства.

Джафар не двинулся. Я ударила. Волосы взметнулись, собираясь в косы, обвили его руку, сжались, норовя сломать кости. Он отпустил меня. Отшатнулся, потирая запястье, и в его глазах мелькнуло удивление.

— Плетущая, — прошептал Джафар.

— Только давай без этого, — зло ответила я и бросилась на него.

Косы обвили его шею, сжались, и я дёрнула, разворачивая Джафара к стене. Он ударился спиной о глину, посыпалась крошка, но он даже звука не издал. Я навалилась, прижимая его к шершавой поверхности, волосы врезаются в горло вождя. Ещё немного — и хрустнут позвонки. Он не сопротивлялся. Зелёные глаза горели в темноте переулка, и были спокойными, как-будто я не душила его, а гладила по щеке.

— Сильная, — Джафар улыбнулся одними глазами.

Джафар рассыпался в песок. Мои косы сжали пустоту — облачко пыли повисло в воздухе, оседая на волосы и ресницы. Я замерла на секунду, и поздно спохватилась. Джафар собрался у меня за спиной. Я почувствовала его дыхание на шее — горячее, с запахом дыма и сушёной травы, и в тот же миг его рука обвила моё горло. Пальцы сжались железными тисками. Из другой руки потек мелкий, колющий песок. Он забивался в рот, в нос, царапал щёки, застилал глаза. Я задыхалась. Хрипела. Дёргалась в его хватке, но он держал крепко, и каждый мой рывок только сильнее сжимал тиски на шее.

— Бороться с песком бессмысленно, — прошептал Джафар мне на ухо, от чего внутри меня поднялась паника.

Я перестала дышать. Лёгкие горели, в ушах шумела кровь. Я задыхалась. Боролась. Кусала губу до крови. Рванулась в последний раз — и прокусила нижнюю губу. Кровь хлынула по подбородку, капнула на его руку.

Капля упала на песок.

Мир исчез.

Вместо него — пустота, в которой не было ни верха, ни низа, ни времени. Я перестала быть собой. *Я стала им.* Почувствовала его кожу всем телом. Обжигающе горячую, сухую, покрытую тонкой сеткой старых шрамов, которые я видела внутренним зрением. Каждую песчинку, что текла в его венах вместо крови. Я чувствовала, как они движутся — медленно, тяжело, царапая изнутри. Ощущала, как он рассыпается и собирается заново. Это было больно. Каждый раз — больно. Потеря себя, потеря формы, потеря имени. Раствориться в тысяче частиц, забыть, кто ты, и собраться снова, вспоминая по кусочкам. *Он ненавидел это, но делал, потому что другого выхода не было.*

Я увидела его прошлое ощущениями. Холод камня под спиной в каменоломне. Острые края впиваются в лопатки, песок сыплется сверху, забивается под одежду. Вкус собственной крови, когда ставили клеймо — железо пахло палёной кожей и страхом. Жар пустыни, который

плавит мозг. И пустота. Пустота внутри, которая росла с каждым годом, с каждым врагом, с каждым разом, когда он рассыпался в песок, теряя кусочек себя.

Он почувствовал меня в ответ. Мою злость на отца. Мою боль от шрама на щеке, когда шептались за спиной: «Сильная, но грубая, не чета Лейле». Моё тело, которое я дарила мужчинам, чтобы хотя бы на час почувствовать себя желанной, нужной, живой. Мой страх, что я никогда не встречу того, с кем Узел Пустыни завяжется сам, без моих отчаянных попыток. Моё одиночество в толпе, мою тоску по матери, мою ненависть к Тарику, которую я прятала за улыбками и кокетством.

Мы застыли. Каждый в своей пустоте, но вместе. Я не могла отойти. Он не мог отпустить. Наши боли переплелись, завязались в тугой узел. Я чувствовала его дыхание. Он — моё.

Пустота схлопнулась. Мир вернулся — резко, ярко, обжигающе. Я снова стояла в переулке, чувствовала его руку на своём горле, песок на губах. Но что-то изменилось.

Я чувствовала его сердце.

Оно тяжело билось под моими рёбрами Второе сердце, которое я не просила.

— Какого песчаного червя?.. — прошептала я.

Джафар молчал. Смотрел на песок, который всё ещё струился между пальцами. На мою кровь, смешавшуюся с ним.

— Узел Пустыни, — выплюнул он сорванным голосом. — Этого не может быть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.